

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Олейник И. В. (Минск, Беларусь)

Проблема пространственно-временной организации бытия всегда являлась одной из наиболее значимых и фундаментальных для философов всех времен. Однако на рубеже тысячелетий вопросы о сущности пространства и времени, их трансформации в эпоху транзитивных обществ, актуализации представлений о социальных модусах пространства и времени приобрели особую злободневность, что связано, в первую очередь, со следующими факторами: формированием глобальной информационной цивилизации, в основе которой лежит процесс интенсификации транзакций и стремление преодоления ограничений, накладываемых физическими пространством и временем [1, 2]; универсализацией социального хронотопа, который теряет значимые локально-национальные характеристики и образует некое «клише» жизненного мира, лишённого географических и темпоральных детерминант [3]; развитием представлений о едином пространственно-временном континууме и реляционной природе пространства и времени (в противовес субстанциальной); дифференциацией социального пространства-времени, что проявляется в довольно резкой поляризации условий жизни людей [Бауман], а также в смене целостной линейной логики времени на пространство множественных временных потоков [1]; одновременными процессами пространственно-временной конвергенции и дистанциации [4].

Для обществ эпохи постмодерна характерен предельный уровень корреляции между социальными практиками и пространственно-временной организацией социальной реальности. Автономные объективные понятия «пространство» и «время» утрачивают свой метафизический пафос, поскольку обнаруживается трансформация ранее значимых для людей форм пространственной и временной укорененности в социально-историческом процессе. Время, которое ранее репрессивно «навязывало» субъектам необходимость проживать себя, наполняя социально значимым содержанием, отныне является ресурсом, который может приносить ренту своему владельцу и который открывает перед ним весь мир. Пространство становится переменной «бевременной вселенной» (термин М. Кастельса – прим. автора), которая стремится стереть все видимые границы. Пафос подобной трансформации пространственно-временной организации социальной реальности заключается в том, что она подчинена логике развития и скоростям транзакций информационных систем, в то время как человекообразные системы подчиняются этой логике все больше и больше, вытесняя из пространства жизненного мира естественные для человека скорости коммуникации, формы организации, циклы и ритмы биологической и социальной жизни.

В основе трансформации пространственно-временной организации

обществ в условиях глобализации лежит изменение свойств, которые характеризуют время и пространство в условиях глобализации и которые являются следствием парадигмального «сдвига» при переходе от классической и неклассической рациональности к постнеклассической, которая актуализирует проблему «социального» в феноменах пространства и времени. Так, актуальными понятиями современного социогуманитарного дискурса являются понятия «социальное время» и «социальное пространство». Хотя категориально-феноменологическая сущность времени всегда находила свое отражение в различных системах познания, непосредственно артикулированная проблема социального времени была возведена в статус научной лишь в начале XX века в сфере социологического знания. В 1937 г. публикуется программная статья П. Сорокина и Р. Мертон «Социальное время: опыт методологического и функционального анализа» [5], в которой они обосновывают необходимость введения в научный дискурс категории «социальное время», которая была призвана служить альтернативой астрономическому времени, и которая способна отображать специфику протекания времени в различных социальных системах и исторических контекстах. В современной социальной философии существует два основных уровня концептуализации проблемы социального времени, условно их можно обозначить как социологический и философский. Социологический уровень анализа проблемы социального времени носит акцентированно прикладной характер, т.к. речь здесь идет о «расчете» некоторого суммарного времени, посвященного определенной деятельности, поэтому в данном контексте возможны множественные дробления «общей» категории социального времени на время индивида, семьи, нации, класса и т. д. [6, 7]. В философском дискурсе концепт «социальное время» абстрагируется от прикладных характеристик времени и служит методологическим конструктом, позволяющим критически осмысливать процессы трансформации глобализирующихся обществ, главным образом, посредством анализа таких характеристик социального времени как релятивность и ускорение.

Проблема социального пространства является не менее значимой, чем проблема социального времени, поскольку одним из сущностных свойств обществ эпохи постмодерна является конвергенция пространства-времени, которая часто проявляется в довольно противоречивых формах. Обратной стороной процесса глобализации является процесс локализации, а в «совокупности эти два тесно взаимосвязанных процесса приводят к резкой дифференциации условий существования населения целых стран, регионов и различных сегментов этого населения» [8, с. 11]. При этом главным фактором, вызывающим это социальное расслоение, является мобильность.

Согласно М. Кастельсу, трансформация пространственно-временных параметров сетевого общества заключается в возникновении логики пространственных потоков (вместо логики мест), при этом под потоками Кастельс понимает «целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически

разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [1, с. 457]. Что касается времени, то оно всегда является локальным, в том смысле, что подчиняется социальному контексту и пространству потоков. В этом смысле время становится крайне релятивизированной величиной.

Параллельно активизации представлений о социальном пространстве-времени некоторые исследователи отмечают еще один важный процесс, который выступает основой глобализации – пространственно-временная компрессия. Она обусловлена рядом технологических и социальных революций XX века, которые привнесли в жизнь людей интенсификацию коммуникации, транспортных и финансовых потоков, трансформацию роли национального государства и гражданского общества. В совокупности эти тенденции привели к переходу от «старой» пространственно-временной «закрытой» социальной организации к новой – «открытой» [9, с. 40–41]. Именно новая форма пространственно-временной организации общества является «средним термином», связывающим воедино экономические и культурные трансформации последних десятилетий (переход от «фордизма» к «гибкому накоплению» капитала, адекватному реалиям «дезорганизованного капитализма») и постмодернистские культурные формы, воплощающие новый тип чувствования и мышления» [10].

В целом, очевидно, что множественные интерпретации пространственно-временной модификации современных обществ, так или иначе, отсылают к процессам сжатия, ускорения, релятивизации, конвергенции и дистанциации. Именно анализ данных процессов позволяет формировать адекватный и емкий образ социальной реальности в эпоху постмодерна.

Литература и источники

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000.
2. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества. – М., 2004.
3. Бек, У. Что такое глобализация? – М., 2001.
4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – М., 2005.
5. Сорокин, П.А. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа / П.А. Сорокин, Р.К. Мертон // Социологические исследования. – № 6. – 2004. – С. 112–119.
6. Артемов, В.А. Социальное время: теоретические аспекты // В.А. Артемов, О.В. Новохацкая. – Вестник НГУ. Серия: социально-экономические науки. – 2013. – Т. 13. – № 4. – С. 181–187.
7. Веселкова, Н.В. Социология времени и Жорж Гурвич // Рубеж (альманах социальных исследований). – Сыктывкарский государственный университет. – 2003. – № 18. – С. 50–64.
8. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М., 2004.
9. Кирьянова, Л.Г. Общество в контексте глобально-локальных отношений. – Томск, 2007.

10. Harvey, D. The Condition of Postmodernity. An enquiry into the origins of cultural change. – Oxford, 1990.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В СОХРАНЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Палибина А. С. (Саранск, Россия)

Термин «устойчивое развитие» первоначально появился в естественных науках, означавший способность к самоподдерживаемой эволюции. Позже данный термин стал активно использоваться в экономике для анализа возникающих связей между глобальным экономическим развитием и возможностями самовозобновления природных ресурсов. В дальнейшем понятие «устойчивое развитие» обретает статус концепции, согласно которой это способность страны, человечества в целом к выживанию и постоянно поддерживаемому непрерывному экономическому, экологическому, политическому, социальному, культурному развитию на основе всей жизни [2, с. 226–227].

Можно выделить следующие основные принципы устойчивого развития:

- одинаковое удовлетворение основных жизненных потребностей поколений при сохранении окружающей природной среды;
- сбалансированное развитие различных сфер (экономической, политической, социальной и пр.) жизни общества и искоренение бедности;
- рациональное природопользование, основанное на максимально возможном уменьшении использования невозобновляемых ресурсов и расширенном использовании вторичных ресурсов;
- формирование единой эколого-экономической системы, обеспечивающей экологически безопасное хозяйствование;
- реализация устойчивой демографической стратегии, уравнивающей численность и плотность народонаселения и его деятельность с законами и возможностями экосистем;
- развитие международного сотрудничества и глобального партнерства в деле сохранения и восстановления целостности экосистемы [1, с. 59].

Данные принципы достаточно полно характеризуют концепцию устойчивого развития, цель которой – сформулировать теоретическую модель и стратегию комфортной жизнедеятельности как отдельного человека, так и всего человечества в целом.

Среди многообразных средств, которые используются для достижения целей устойчивого развития, особое значение в последние десятилетия отводится социальной работе, ее специфическим формам и методам. Как справедливо отмечает Е.И. Холостова [3, с. 152–153], предметная сущность социальной работы отражена в феномене социальности, отражающей способы и формы сосуществования и взаимодействия в обществе как системе целостных социальных субъектов. В качестве социальных субъектов могут

This document has been
edited with Infix PDF Editor
- free for non-commercial use.

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm